

Косенков Е.И. Офицеры Донского войска в эпоху императора Николая I // Вопросы истории, 2001, №11-12, с.122-130.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

В фондах Российского государственного военно-исторического архива хранится подборка из более чем 400 «формулярных списков о службе и достоинстве» донских офицеров, представленных войсковым наказным атаманом в следующий чин, и урядников, достаивающихся к чину хорунжего. Время заполнения формуляров датируется 1840-1841 годами. Содержащиеся в документах достаточно подробные данные о социальном происхождении, наличии недвижимости, грамотности, наградах, конкретном прохождении службы дают возможность составить представление о социальном положении донских офицеров не только начала 1840-х годов, но фактически всей эпохи Николая I. В течение длительного времени после присоединения к России Земля Донского войска существовала в значительной мере на основе исторических обычаев, которые определяли не только хозяйственную, но во многом и военную организацию ее населения. Лишь с принятием в 1835 г. «Положения об управлении Донского войска», которое представляло собой кодекс местного (особенного) права, государственно утвержденные законы положили конец господству юридического обычая.

Казачество являлось одним из самых замкнутых сословий Российской империи. Обязанные государству исключительно военной службой, казаки были лишены возможности избрать себе какой-либо иной род профессиональной деятельности. В силу особенностей комплектования и прохождения службы казачьи войска назывались иррегулярными. Все казаки, выслужившие классные чины, независимо от того, на армейской службе или же на службе по внутреннему управлению своих войск, получали их по линии Военного министерства и становились офицерами; по традиции их именовали чиновниками. В основе военного и гражданского устройства казаков всегда лежал сословно-территориальный принцип. Все войсковые учреждения, как воинские, так и гражданские, комплектовались только за счет представителей казачьего сословия. «Военную службу несли все способные к ней, а иногда даже и неспособные казаки», говорилось в официальной истории казачества, изданной в начале XX века{1}.

Принятое в 1835г. «Положение об управлении Донского войска»{2} утвердило традиционные основы организации казачьей службы ее обязательность -122- для всех казаков, формирование военных подразделений и замещение всех войсковых должностей только представителями войскового сословия, чередование походной службы с внутренней и пребыванием дома и т. п. Оно также ввело не существовавшее ранее сословное разграничение в чинопроизводстве, принятое в регулярной армии.

Согласно «Положению», со вступлением в 20-й год своей жизни все мужчины войскового сословия приводились к присяге и записывались в казаки. По достижении 21 года они должны были вступать в отправление действительной службы. Закон предусматривал досрочное добровольное поступление на службу. Дети донских дворян принимались на службу с 16 лет, для чего они должны были лично являться с прошением к войсковому наказному атаману. Срок их службы исчислялся с момента реального занятия определенной

должности в полку или в каком-либо присутственном месте внутри Войска. Дети простых казаков тоже могли по желанию поступать на службу досрочно, но их служба шла в зачет только по достижении ими 20-летнего возраста.

Таким образом, после 1835 г. офицерский чин казаки стали получать на общеимперских основаниях. Войсковые дворяне производились в урядники через три месяца службы без соблюдения вакансий, а после двух лет службы в унтер-офицерском чине получали право на производство в хорунжие на вакансии по всему Войску. Не имевшие дворянства дети чиновников (рожденные до производства отцов в офицеры или те, отцы которых получили чин при отставке) в офицеры производились на правах вольноопределяющихся регулярных войск. Выходцы из простых казаков в урядники производились на вакансии. Право на производство в офицеры в мирное время получали только те из них, кто в общей сложности не менее 12 календарных лет пробыл в урядниках или шесть лет прослужил урядником на походной службе. Дети духовенства казачьего сословия правами вольноопределяющихся не пользовались и несли службу наравне с детьми простых казаков. Зато казаки выпускники высших учебных заведений отныне получили право независимо от социального происхождения сразу сверх комплекта производиться в офицеры.

В военное время предусматривалось производство в чины за отличия «без наблюдения комплектного числа офицеров и урядников по Войску». Урядники не из дворян могли представляться в хорунжие «за отличную храбрость и неустрашимость» до выслуги шести полевых лет в урядниках (на вакансию по своему полку). Но производство в офицеры оговаривалось необходимостью иметь «все награды, нижним чинам присвоенные» (вероятно, требовалось быть кавалером Знака отличия военного ордена Св. Георгия). Отставка донским офицерам дозволялась при обязательной выслуге 25-летнего срока. Ранее срока отставались, при строжайшем освидетельствовании медиков, раненые и больные, причем могущие выздороветь чистой отставки не получали. Без просьбы увольнялись офицеры, признанные «неблагонадежными и остающимися на службе в тягость прочим». «Впрочем, все чиновники, урядники и казаки Войска Донского, получившие чистую отставку, на основании указа 24-го сентября 1802 года, остаются в непрременной обязанности в нужных случаях выходить с полками и командами на полевую службу по первому наряду правления, кроме одних тех, которые по ранам, увечьям и дряхлости никакой службы совершенно уже нести не могут». А потому все отставные чиновники и казаки не должны были отлучаться из пределов Войска без ведома войскового или местного начальства. Служилый состав донских казаков подразделялся на три основных разряда: несущих полевую (походную) службу в армейских полках за пределами Дона; служащих гвардии и артиллерии; служащих внутренних войсковых учреждений. Офицеры и казаки двух последних разрядов считались выкомандированными из полкового состава Войска. (По штатному расписанию в Войске состояло 54 армейских полка, из которых единовременно на службе состояло около трети полков. Чины, временно свободные от полевой службы, считались «находящимися при Войске»).-123-

На 1842 г. списочный состав офицеров Донского войска (без генералов, служащих гвардии и артиллерии) насчитывал 1188 человек, из которых 241 несли внутреннюю службу (в том числе 84 человека по выбору дворянства). Согласно данным войсковой канцелярии, всего в Войске существовало 398 офицерских вакансий{3}.

Формуляры 330 офицеров (27,8% списочного состава) и 103 урядников, представленных к офицерскому чину, содержат сведения об их социальном происхождении{4}. Формулярные списки принадлежат почти всем категориям донских чиновников: отбывавшим очередь в полевых полках, находившимся «в должностях по Войску», состоявшим «при Войске» в ожидании очередного выхода «в поле». Ввиду относительной малочисленности генералитета, служащих лейб-гвардии Казачьего и Атаманского полков, а также артиллерии настоящая выборка максимально соответствует составу донского офицерства того времени. В число лиц дворянского происхождения включено 202 чиновника, в формулярах которых показано происхождение «из дворян» или же от отцов-офицеров (в последнем случае обозначен точный чин либо чиновная категория отца генерал, штаб- или обер-офицер). Поскольку чин отца указывался на момент рождения сына, эту группу можно целиком отнести к урожденным дворянам. К выходцам из простых казаков отнесены 128 офицеров, в формулярах которых показано происхождение из детей казаков и урядников, не имевших дворянства, в том числе 15 детей из донского духовенства. Из 7 подполковников дворянское происхождение имели 4 человека (недворяне 3 человека); из 25 войсковых старшин 16 (9); из 45 есаулов 30 (15); из 116 сотников 62 (54); из 137 хорунжих 90 (47) человек. Полученные цифры показывают довольно высокую долю потомственных дворян среди офицеров 61,2%. Полностью одворяненный в 1798 г. донской офицерский корпус в течение последующих лет воспроизводился преимущественно на собственной основе. Сын чиновника повторял путь своего отца и тоже, как правило, становился офицером, ибо никакой альтернативы военной службе у него не было.

С введением у казаков сословного принципа чиновного производства тенденция повышения доли дворянства в офицерском корпусе получила подкрепление. Это отчетливо вырисовывается при анализе социального происхождения 103 урядников, представленных в хорунжие. Из простых казаков происходили только десять человек. При этом все они отвечали требованиям нового положения: восемь имели выслугу в урядниках 12 и более лет, выслуга двоих приближалась к установленному сроку. В качестве потомственных дворян прямо засвидетельствован 71 урядник, еще 22 записаны детьми обер-офицеров. Возможно, что последние еще не получили узаконенных дворянских свидетельств. По крайней мере, только один из них служил на правах вольноопределяющегося. Таким образом, доля дворян среди урядников, представленных в хорунжие, достигала 90%. Расчеты свидетельствуют, что в результате предполагавшегося производства всех этих урядников в офицеры (и с учетом соответствующего производства хорунжих в сотники) доля дворян в составе хорунжих должна была увеличиться на 6,5% и составить 72,2%.

Сведения о социальном составе регулярной русской армии того времени крайне фрагментарны. Однако есть основание полагать, что в николаевскую эпоху происхождение донских офицеров приблизительно соответствовало социальному происхождению офицеров регулярных войск. Согласно расчетам, сделанным Военным министерством России по формулярным спискам офицеров пяти драгунских полков, доля офицеров-недворян в них на 1844 г. составляла 25,2%; в пяти пехотных полках 26,5%. Более поздние цифры, суммирующие статистику офицеров армии и флота на 1864 г., свидетельствуют, что среди них потомственных по происхождению дворян было 55,8% {5}.

Отчетливо проявляется тенденция относительного увеличения, с каждым следующим

чином, возраста представляемых к повышению в звании -124- казаков недворянского происхождения. Так, при среднем возрасте подполковника 45,6 офицеры лица из дворян были существенно моложе недворян (соответственно 41,8 и 50,3 лет); данные по войсковым старшинам составляют: 43,0 (39,8 и 48,7) лет; по есаулам: 41,9 (39,8 и 44,6) лет; по сотникам: 37,0 (34,7 и 38,7) лет; по хорунжим: 30,9 (32,0 и 34,2) лет. Особенно значительной была разница в возрасте представленных в офицеры урядников. При среднем возрасте 26,1 лет урядники дворянского происхождения были более чем на десять лет младше выходцев из простых казаков (соответственно 25,0 и 35,6 лет).

При соотнесении времени получения офицерского чина с возрастом можно констатировать, что за период правления Николая I казакам недворянского происхождения становилось все труднее добиться чина хорунжего. Разница в возрасте получивших офицерство детей чиновников и простых казаков, составлявшая 1,5 лет в 1820-е годы и 5,1 в 1830-е, в начале 1840-х годов (данные по представленным в офицеры урядникам) должна была превысить 10 лет. Полученные цифры свидетельствуют о более медленном социальном продвижении офицеров из простых казаков, для огромного большинства которых карьера заканчивалась в обер-офицерских чинах. Они подтверждают также общероссийскую тенденцию высокие чины и должности были доступны в основном лицам дворянского происхождения.

Казацьи офицеры не пользовались правом добровольного выхода в отставку, и это во многом обуславливало их высокий возраст. Право просить отставку по желанию обеспечивало более быстрое омоложение офицерского корпуса регулярной армии, где в первой половине 1840-х годов «по домашним обстоятельствам» отставлялось 45,0% офицеров, по болезням 48,3% {6}. Таким образом, добровольная отставка обеспечивала до половины офицерских вакансий в регулярных войсках.

В числе офицеров значится 60 кавалеров Знака отличия военного ордена Св. Георгия. 6 человек получили его за походы 1812-1814 годов, 16 за Персидскую и Турецкую войны, 34 за подавление польского мятежа, 4 за покорение Кавказа. Награждение Знаком военного ордена, по-видимому, оказывало существенное влияние на достижение офицерского чина. Среди награжденных насчитывается 28 отличившихся в боях дворян и 32 человека из простых казаков. Курьезом представляется награждение одного унтер-офицера лейб-гвардии Казачьего полка двумя георгиевскими крестами за польскую кампанию; до разделения этого знака отличия на четыре степени в 1856г. двойное награждение могло произойти только вследствие неразберихи военного времени.

В формулярных списках всех офицеров и урядников Донского войска записана принадлежность к православному вероисповеданию.

Сведения об образовании отражены в формулярах очень неопределенно. Установленный на то время ценз получения офицерского чина требовал, как правило, только умения читать и писать, для чего достаточно было лишь удостоверить грамотность чиновника. Так, окончание гимназии отмечено в формулярах только пяти человек, лишь у одного обозначено завершение учебы в кадетском корпусе, сведения об учебе в окружных и приходских училищах отсутствуют вовсе. Несомненно, многие офицеры получали либо «домашнее образование», либо обучались в системе народного просвещения. В формулярах ряда чиновников после обязательной фразы «российской грамоте читать и писать знает», дается перечень предметов, входящих в курс гимназии или окружных училищ. «Положение»

1835 г. категорически запрещало аттестовывать в офицеры неграмотных урядников, какого бы состояния они ни были и каких бы военных заслуг не имели. Достаточно определенно среди офицеров выявляются только выпускники высших гражданских и военных учебных заведений. В общей сложности таковых насчитывается 19 человек. Из них пятеро окончили Московский университет и четверо Харьковский; поскольку получение образования они завершили до 1835г., когда льгот по образованию в Донском войске еще не было, получение первого чина растянулось у них на срок от одного -125- года до трех лет. Еще четыре человека во второй половине 1830-х годов завершили учебу в Санкт-Петербургском коммерческом училище, по окончании которого получили чин 14-го класса и «по праву студентов» сразу были произведены в хорунжие. В Дворянском полку в Петербурге прошли обучение четыре человека. В их формулярах записано: «Российской грамоте читать и писать знает. Немецкий и французский языки, математику, тактику, фортификацию, историю, географию, черчение, ситуацию, рисование и артиллерию». Двое закончили двухгодичный «особый класс при дивизионной школе гвардейской артиллерии», но служили в донской кавалерии{7}.

Образование давало очевидные преимущества по службе. Где бы ни служили выпускники университетов по внутренней административной части или в полевых полках, их продвижение в чинах шло с опережением менее образованных чиновников. Они были на 3-5 лет моложе прочих офицеров равного чина. Так, при среднем возрасте представленного в есаулы сотника 37лет выпускники университетов имели возраст 3год Среди чиновников с высшим образованием весьма значительна доля лиц недворянского происхождения. По два выпускника Московского и Харьковского университетов, четверо Санкт-Петербургского коммерческого училища, двое дивизионной школы гвардейской артиллерии были детьми простых казаков.

Значительная часть офицеров 120 человек (36,4%) начинала действительную службу не сразу в полевых полках, а «у письменных дел»: служителями в войсковой и атаманской канцеляриях, в сыскных начальствах, при полиции, в станичных правлениях и прочих присутственных местах. Начало карьеры с «письменных дел» более характерно для выходцев из простых казаков: 44,5% всех достигших офицерства недворян начинали с канцелярской службы (31,2% детей чиновников). Очевидно, это была наиболее целеустремленная часть казаков, заметно возвышавшаяся над средним уровнем малограмотной казачьей массы и сознательно продвигавшаяся к чинам и дворянству. Обычно они зачислялись на службу добровольно до достижения ими 21 года. Кругозор и профессиональные навыки, приобретаемые благодаря опыту канцелярской службы и общения с людьми, существенно помогали их карьере.

Сословный принцип чиновничества действовал до середины 1870-х годов, когда во всей русской армии получение офицерского звания стало обуславливаться обязательным окончанием военного или юнкерского училищ.

Формулярные списки позволяют составить представление об имущественном положении донского чиновничества. В специальную графу формуляров занесены сведения о наличии недвижимой собственности (ревизских душ) с разделением ее на две категории: недвижимость самого чиновника или его родителей и недвижимость жены. В свою очередь, каждая категория недвижимости подразделялась на родовую и благоприобретенную. Практика причисления к недвижимости крепостных обуславливалась теснейшей юридической

связью крестьян с земельными владениями помещиков{8}. На Дону эта связь была самым непосредственным образом утверждена «Положением об управлении Донского войска». Ранее донская земля формально не являлась собственностью частных лиц. После принятия «Положения» за всеми душевладельцами в законном порядке на правах родовой собственности была закреплена земля по числу имевшихся у них ревизских душ. На каждого своего крепостного мужского пола помещик получал 15 дес. земли (для помещиков, обязанных отселиться со своими крестьянами из станичных юртов, эта норма повышалась до 20 дес.). Поскольку землевладение чиновников стало прямо соотноситься с душевладением, земельная собственность отдельного помещика может быть приблизительно исчислена по количеству ревизских крепостных.

По законам империи, родовым считалось имущество, доставшееся по наследству. Родовая недвижимость на практике часто существовала в качестве нераздельной собственности близких родственников. На эту особенность указывают записи в формулярных списках офицеров: в единую графу -126- занесены крепостные души, находившиеся как у самого чиновника, так и у его отца или матери. Следует учитывать это обстоятельство и иметь в виду, что действительное количество владений и их размеры были несколько меньше вычисленных по формулярным спискам.

Из 330 донских офицеров 100 человек (30,3%) относились к разряду родовых душевладельцев. В их собственности числилось 9407 ревизских душ. (Из данного подсчета исключена родовая собственность чиновников за пределами Земли Донского войска и родовая собственность их жен, данные о которой приводятся отдельно). Еще 13 человек имели только благоприобретенных крепостных. Таким образом, крепостными владельцами в общей сложности были 34,2% всех офицеров.

Земля Донского войска характеризовалась довольно высокой дробностью земельной собственности и относительно мелким душевладением. Согласно сделанным расчетам, размер родовых душевладений более половины (58,0%) офицеров не превышал 20 ревизских душ, и вместе они имели 5,2% общего числа крепостных; в среднем на одного владельца приходилось 8,3 ревизской души.

К числу среднепоместных (владельцев 21-100 душ) относятся 25 чиновников, имевших 12,7% общего числа крепостных и насчитывавших в своих поместьях в среднем 47,8 ревизских душ. 17 крупных по донским меркам душевладельцев обладатели более 100 душ имели 82,1% всех крепостных. Средний размер такого хозяйства определяется в 454,5 ревизских душ. Из числа крупных выделяются крупнейшие владения в 500 и более ревизских душ, принадлежавшие выходцам из известных донских фамилий. Войсковой старшина Н.С. Ефремов владел 2150 крепостными, хорунжий Курнаков 2-й 1100 (правда, «нераздельно с братьями»), есаул А.В. Ханженков 576, подполковник П.О. Иловайский 561 По 500 душ каждому (факт нераздельного владения в формулярах не обозначен) принадлежали хорунжим двум братьям Исаевым .

Донской историк Н.И. Краснов писал о владельцах более 100 ревизских крепостных душ, что они имели хорошо устроенные доходные усадьбы, для управления которыми приглашали профессиональных управляющих. На своих обширных землях они в больших количествах разводили лошадей, рогатый скот и овец. Их дети получали хорошее образование и служили в гвардии. Владельцы от 21 до 100 крепостных получали с поместья достаточно средств для исправной службы и обеспеченной жизни. Обремененные служебными

обязанностями, они вверяли управление своими именьями женам или приказчикам. Уделом мелкопоместных дворян была военная служба, которая некоторым благодаря «личному продовольствию полков, сотен и батарей на службе» могла давать ощутимое дополнение к жалованию{9}.

Некоторые чиновники имели крепостные именья за пределами Донского войска. Таковых выявлено пять человек. У подполковника П.О. Иловайского, помимо 561 души на донских землях, было 330 крепостных в Харьковской губернии. У сына генерал-лейтенанта войскового старшины И.Е. Карпова 10-го было 268 своих родовых душ и за матью числилось 116 крепостных, из которых 40 находились в Рязанской губернии. Есаул Т.И. Жиров владел вместе с братьями 36 душами на Дону и 56 в Таврической губ., где, помимо того, братья имели 4600 дес. земли и 1200 дес. леса. Два офицерских именья в Тамбовской губ. насчитывали 21 и 4 души.

Русское законодательство четко разграничивало собственность супругов. Жена пользовалась полным правом распоряжения своим родовым и благоприобретенным имуществом. Дети наследовали имущество матери отдельно от имущества отца. За женами 20-ти чиновников числились родовые души, полученные в приданое или в наследство от родителей. Всего за офицерскими женами было записано 332 души. Наиболее крупные владения составляли: 140, 41, 25, 17 и 50 душ (однако о последнем душевладении в формуляре мужа сказано, что жена владеет крестьянами совместно с братом и сестрой). Таким образом, на оставшихся 15 родовых душевладелиц приходилось 59 крепостных. -127-

По закону владеть душами и населенными именьями могли только потомственные дворяне. Однако в отдаленных частях империи отступления от законов в пользу обычая были широко распространенным явлением. О том, что казаки-недворяне владели крестьянами, могут свидетельствовать записи в формулярах шести чиновников недворянского происхождения, у которых в качестве родового именья отмечены крепостные души, состоящие в собственности родителей или полученные по наследству. В общей сложности за ними числилось 210 родовых крепостных. Так, у одного из офицеров 88 ревизских душ числились за отцом казаком не из дворян; у другого 51 крепостной был записан за отцом урядником, не имевшим дворянства, и еще 41 за матью. Прочие четыре офицера были обладателями соответственно 10, 10, 9 и 1 души без какого-либо указания, каким образом к ним, казакам недворянского рода, попали родовые крепостные. Впрочем, некоторым из этих офицеров крепостная собственность могла достаться по наследству от матерей-дворянок. Так, в формуляре одного чиновника из простых казаков отмечено, что 60 душ принадлежат его матери.

Необходимо отметить, что душевладение, помимо материальных преимуществ, приносило и политические. К выборам чиновников по внутреннему управлению в Войске допускались лишь офицеры, «имеющие за собою крестьян, в каком бы то количестве ни было». В губернской России избирательный ценз на дворянских выборах был значительно выше. Активным избирательным правом пользовались только те дворяне, которые имели классные чины и владели не менее чем 100 ревизскими душами или же 3 тыс. дес. ненаселенной земли.

Донские чиновники, не имевшие ревизских душ, именовались беспоместными. Таковых в выборке оказалось 217, или 65,8% общего числа офицеров. По «Положению» 1835г., не имевшие ревизских душ офицеры получали в пожизненное владение ненаселенные участки на

землях войскового запаса в соответствии с категорией чина: генералы 1500 дес., штаб-офицеры 400 дес., обер-офицеры 200 дес., но без права постоянного хозяйственного обзаведения. С выслужением очередной чиновной категории офицеру прирезалось недостающее количество земли. Пожизненные участки должны были служить материальной поддержкой казачьих офицеров, которые по тогдашним условиям не пользовались правом на пенсию, а во время периодических выходов из полевой или внутренней службы не получали жалования. Ненаселенные участки имели весьма невысокую ценность и были слабым материальным подкреплением офицерства. Отсутствие рабочих рук делало эту землю во многом мертвым капиталом. Дворяне, получившие пожизненные участки, редко заводили там собственное хозяйство и обычно сдавали их в аренду. «Очень многие из них никогда не видели отведенных им угодий, боясь потерять издержки на дальнюю дорогу», отмечал Краснов{10}. Главнейшим средством обеспечения беспоместных и мелкопоместных чиновников было жалование за службу. По образу своего материального существования они часто мало чем отличались от простых казаков.

Датированный 1841 годом «Список штаб- и обер-офицеров Войска Донского, достаиваемых к производству на вакансии»{11}, содержит краткие сведения не только о чиновниках, которые были представлены к производству, но и о тех, кто не удостоился представления. Данные об оштрафованных чиновниках с отрицательной стороны освещают нравственный облик донского офицерского корпуса. (Положительная сторона запечатлена в многостраничных формулярных записях об участии в боях и походах). Однако эти сведения служат важным материалом к пониманию действительного положения и проблем казачьих офицеров, на всю жизнь прикованных к военной службе.

Все многообразие конкретных причин, по которым 124 офицерам было отказано в представлении к очередному чину, может быть сведено, с довольно большой долей условности, к следующим разрядам: преступления, злоупотребления и упущения по службе 48 случаев; «неимение способностей» для замещения вакансий 43; «нетрезвое поведение» 11; преступления, совершенные в «гражданском состоянии», 17 случаев. (Пять случаев совершенно не поддаются классификации). -128-

В разряде должностных преступлений на первом месте до половины всех случаев стоят преступления, связанные с присвоением казенных денег и с нарушением имущественных прав нижних чинов. Согласно казачьему обычаю, закрепленному «Положением» 1835 г., по возвращении полков с полевой службы на Дон производился смотр, на котором все урядники и казаки опрашивались посотенно, «все ли принадлежащее им сполна получили, и не имеют ли на командиров своих или офицеров каких претензий». Чиновники, уличенные в удержании у нижних чинов жалования и ремонтных денег, в присвоении имущества подчиненных предавались военному суду. По «претензиям нижних чинов» были лишены права на производство по меньшей мере 12 человек.

Так, против имени подполковника Г. Студеникина записано, что он «не достаивается к производству по состоянию под судом 1-е, по претензии воинских чинов бывшего имени его № 26 полка в неполучении от него положенного от казны содержания, и 2-е, за злоупотребления, открытые по командованию № 14 полком». Войсковой старшина И. Быхалов подвергся наказанию по высочайшему повелению «за противозаконные действия по довольствию полка № 50 во время командования им»; его было определено «употребить на службу в Кавказском корпусе сряду на шесть лет». Есаул С. Кисляков состоял под судом за

«удержку им денег, принадлежащих казне и воинским чинам по командованию донским казачьим № 13 полком». Сотник И. Кузнецов обвинялся в поборах с казаков денег и в «облегчении их по службе». Трое сотников не достаивались к производству «по прикосновенности» к делу о претензии нижних чинов полка № 9.

Четыре офицера, служившие на пограничных линиях, были причастны к контрабанде, как, возможно, и состоявший под судом «за разные законно-противные действия по бытности начальником Астраханских кордонов» войсковой старшина И. Курганов. Подполковник А. Горин был оштрафован непроизводством «за допущение во время командования полком № 17 беспорядков, за что по воле главнокомандующего действующей армией князя Варшавского графа Паскевича отрешен от командования». Трое офицеров обвинялись в жестоком обращении с нижними чинами: один в «неправильном наказании» подчиненных, другой в нанесении побоев нижним чинам, третий в наказании плетью урядника. За недонесение о полученных им оскорблениях и побоях сотниками В. Петровым и А. Родионовым не достаивался производства есаул П. Смирнов. Первоначально он состоял под судом, от которого был освобожден по высочайшему манифесту. Оба сотника были преданы суду и лишены производства в очередной чин. «За нанесенное оскорбление родному отцу своему генерал-майору Харитонову» судили есаула И. Харитонова.

Отказ в представлении десяти войсковых старшин к чину подполковника обосновывался краткой формулировкой: «по неимению способностей, необходимых для полкового командира». Возможно, что у некоторых такая запись произошла не столько от действительного отсутствия способностей, сколько была сделана с целью их «задвижения» и продвижения более нужных офицеров, младших по старшинству.

Непроизводство в следующий чин целого ряда обер-офицеров мотивировалось «слабостью по службе», которая у некоторых чиновников была отягощена пристрастием к вину, ленностью и дерзостью, «расточительностью в хозяйстве» и прочими пороками. Хорунжий А. Талалаев не получил одобрения к производству «за посредственный ум и нравственность и мало-знание грамоте». Разнообразнейшими пороками обладал не удостоенный в есаулы сотник С. Еремкин. Он штрафовался «за корчемство солью, уклонность от службы, беспокойный и строптивый характер и вообще за дурную и неисправимую нравственность». Прочие случаи непроизводств за нарушения по службе включают «ленность и дерзость против начальства», «извет» (клевета), «дурное поведение».

«За вывоз из Польши девицы Дембской и за любодеяние с нею, по прикосновенности к делу о покушении Дембской на самоубийство и подговор крестьянской девки сотника Левицкого Елены Бондаревой -129- с уверением вступить с ней в супружество и именовании себя киевским комиссионером» военному суду предавался хорунжий С. Попов. Основанием предания суду были не столько авантюрные похождения, сколько нарушение закона, воспрещавшего несанкционированное поселение на Дону лиц, не принадлежавших к войсковому сословию.

Среди преступлений, совершенных «в гражданском состоянии», значатся обвинения в кражах лошади, быка, а также денег из станичной кассы (два человека, сотник и хорунжий, состояли под следствием в подозрении по делу о хищении в станице Усть-Медведицкой 9798 руб. станичных денег). Есаул Т. Лагутин обвинялся в «сокрытии следов преступления казака Митяева в убийстве жены своей и других важных поступках». Хорунжего С. Бирюкова ожидал суд «за привязание к дереву хвостом лошади казака Гусева и другие поступки».

Приведенные характеристики нравственного состояния донских офицеров были свойственны всей русской армии. Присвоение казенного имущества, пожива на счет нижних чинов, пьянство, нерадение и халатность по службе были типичны для офицеров регулярных войск. Участник Крымской войны публицист И. С. Аксаков так обрисовывал офицерскую среду: «Водка, карты, безденежье, циническое обращение с казенною собственностью, вот все предметы разговора и интересы защитников веры и отечества; при всем том многие из них довольно добрые малые, но страшные невежи»{12}.

Военная служба тяготила многих казачьих офицеров. Лишь в 1869 г. им было позволено выходить в отставку на общеимперских основаниях и даже вовсе покидать казачье сословие. Следствием этого указа стали многочисленные отставки офицеров. Об этом свидетельствует доклад Главного управления казачьих войск от 25 октября 1880 г., в котором выражалась обеспокоенность, что к переходу в «гражданское состояние» нацелена «наиболее развитая и образованная часть казачьего населения, имеющая все данные для успешной деятельности и вне военного поприща»{13}.

Примечания:

{1} Столетие Военного министерства. 1802-1902. Т.ХІ, ч.1. СПб. 1902, с.58.

{2} Полное собрание законов Российской империи, №8163, 26.V.1835.

{3} Российский государственный военно-исторический архив, ф.330, оп.58, д.652, л.3-4, 743-756.

{4} Здесь и далее расчеты сделаны по формулярным спискам: там же, л.85-723; д.653, л.2-810; л.1-706, д.655.

{5} Столетие Военного министерства. Т.IV, ч.3, кн.1. СПб. 1912, отд.3а, с.203; Корелина П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. Состав, численность, корпоративная организация. М. 1979, с.86.

{6} Рассчитано по: Столетие Военного министерства. Т.IV, ч.3, кн.1, отд.3 прил., с.16.

{7} Производство по донской артиллерии шло по отдельным штатам. К офицерам артиллерии предъявлялись специальные требования: в 1830-е годы для них был установлен образовательный ценз, о чем свидетельствует тот факт, что из восьми хорунжих артиллерии, представленных в сотники, семеро окончили «особый класс при дивизионной школе гвардейской артиллерии». Производство в первый чин делалось по экзамену (РГВИА, ф.330, оп.58, д.656, л.1-99).

{8} Согласно сенатскому указу от 7 октября 1792г., крепостные признавались обязательной принадлежностью населенных имений; купчие крепости должны были оформляться на них «со взятъем в казну пошлин, так, как на прочее недвижимое имение» (см. Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб. 1861, с.6).

{9} Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т.7. Земля Войска Донского. СПб. 1863, с.228-229.

{10} Там же, с.229.

{11} РГВИА, ф.330, оп.58, д.652, л.6-45.

{12} Аксаков И.С. Письма к родным, 1849-1856. М. 1994, с.408.

{13} РГВИА, ф.330, оп.61, д.2035, л.18об. -130-